

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.40>

Сафина Эльмира Фанисовна

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАСИМА БИККУЛОВА

Статья посвящена вопросам лингвостилистики художественного текста. В ней на материале, извлеченном из стихотворений, рассказов и повестей татарского писателя-просветителя и поэта начала XX века Касима Биккулова, методом контекстуального анализа исследуются роль и место многозначных слов в организации и выражении идейно-тематического содержания, заложенного в основу литературного произведения. Данные лексические единицы рассматриваются в качестве ключевых элементов, посредством которых раскрываются авторский замысел, его индивидуальный стиль и мировоззренческие взгляды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 178-181. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 12.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.40>

Статья посвящена вопросам лингвостилистики художественного текста. В ней на материале, извлеченном из стихотворений, рассказов и повестей татарского писателя-просветителя и поэта начала XX века Касима Биккулова, методом контекстуального анализа исследуются роль и место многозначных слов в организации и выражении идейно-тематического содержания, заложенного в основу литературного произведения. Данные лексические единицы рассматриваются в качестве ключевых элементов, посредством которых раскрываются авторский замысел, его индивидуальный стиль и мировоззренческие взгляды.

Ключевые слова и фразы: лингвостилистика; язык художественных произведений; многозначные слова; ключевой элемент; семантика; образная коннотация; художественно-стилистическая окраска; эмоционально-экспрессивный оттенок.

Сафина Эльмира Фанисовна

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

elf.77789@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАСИМА БИККУЛОВА

В лингвистике изучение языка и индивидуального стиля того или иного писателя, поэта является одним из актуальных направлений. Оно важно как с точки зрения определения вклада, внесенного им в развитие стиля художественной литературы, так и с точки зрения изучения состояния литературного языка в тот период, в котором жил и творил автор. Данные и другие основополагающие вопросы лингвостилистики художественного текста в свое время были обозначены в трудах Л. В. Щербы [11], В. В. Виноградова [4].

В настоящее время в татарском языкознании в этой области накопилась обширная научная литература. К примеру, здесь можно выделить работы И. А. Абдуллина [1], И. Б. Башировой [2], Х. Р. Курбатова [5], Ф. С. Сафиуллиной [6], посвященные вопросам изучения языка образцов различных жанров татарской литературы. В то же время исследования данного рода в основном проводились в рамках разработок теоретических проблем истории литературного языка. В частности, особенности языка произведений того или иного писателя, поэта рассматривались в контексте формирования письменно-литературных норм, а вопросы изучения индивидуально-авторских приемов использования определенных категорий языковых единиц, их роли в раскрытии идейно-тематического содержания произведений, а также системы мировоззренческих взглядов и духовных ценностей автора оставались на втором плане и все еще остаются не до конца разработанными, чем и определяется актуальность настоящего исследования.

В работе ставится цель раскрытия особенностей индивидуального стиля известного татарского просветителя, поэта и писателя Касима Биккулова начала XX века в плане использования им в своих произведениях многозначных слов, которые выделяются нами в качестве ключевых элементов языковой ткани литературных текстов. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как определение основополагающих художественных категорий, характерных для творчества писателя; выявление лексических единиц, посредством которых раскрывается содержание данных категорий; анализ объема их семантики; изучение приобретенных ими контекстуально обусловленных образных и эмоционально-экспрессивных коннотаций. Характер поставленной цели и задач определяет научную новизну работы. В данном аспекте язык произведений татарских писателей и поэтов исследуется впервые.

Согласно различным источникам, Касим Биккулов является автором более двадцати книг и произведений хрестоматийного, педагогического, религиозного, исторического, художественно-литературного и публицистического характера. Часть произведений составляют поучительные и научно-популярные рассказы, адресованные детям. В основу первых он берет случаи из повседневной жизни, посредством которых и раскрывается основная идея. В других же, в наиболее доступной маленькому читателю форме, излагаются достижения в области естественных наук, законы мироздания и причины природных явлений. В качестве основных компонентов языковой ткани рассказов выступают понятные для детей слова и конструкции разговорной речи. В большинстве случаев они употребляются в прямых значениях.

В своих эпических произведениях Касим Биккулов пишет о различных пороках, имевших место в татарском обществе начала XX века, таких, как бедность и нищета, непросвещенность, отсталость людей в своих взглядах и убеждениях. Сюда можно отнести повести «Алтынбай агай» («Старик Алтынбай») (1908), «Бәдәлчә» («Наемный хаджи») (1909), «Ат караclarы» («Конокрады») (1912), «Хажы» («Хаджи») (1912) и т.д. В них одно из центральных мест занимает сельская тематика. В частности, на фоне сельской местности, повседневной жизни ее обитателей разворачиваются события, описываемые в произведениях, раскрываются образы героев, в качестве которых выступают крестьяне, торговцы и богачи, люди набожные и безбожники, шакирды, преступники различных мастей и т.д.

Все это наложило определенный отпечаток и на язык произведений, где функцию ключевых элементов выполняют многозначные слова, относящиеся к художественным категориям «Деревня» и «Человек». В текстах они приобретают дополнительные образные коннотации, художественно-стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску.

В произведениях Касима Биккулова в качестве основного вербализационного средства категории «Деревня» выступает слово *авыл* (деревня; поселок; аул; местечко; селение, поселение) [9, с. 32]. Кроме этого, здесь были зафиксированы также лексема *карья* (поселение, деревня, село), которая является традиционным элементом старотатарского письменно-литературного языка [Там же, с. 543] и разговорная форма *сала* (село, деревня) [10, с. 209].

В Толковом словаре современного татарского языка зафиксированы следующие значения слова *авыл*: «1) место, населенный пункт, где постоянно проживают люди, занимающиеся земледелием, скотоводством и овощеводством; 2) жители деревни» [7, б. 42].

В детских рассказах, в которых повествование ведется от имени автора и для которых характерны краткость, незамысловатый сюжет, нейтральный стиль изложения, данная лексема в большинстве случаев используется в своем прямом значении «деревня, аул, селение» и не несет в себе каких-либо художественно-образных или эмоционально-экспрессивных коннотаций: *Бер авылда бертуган ике кеше бар иде* [3, б. 109]. / *В одной деревне жили два брата* (здесь и далее перевод автора статьи. – Э. С.); *Без кечкенә чакта бервакыт киттек печәнлеккә күп балалар илэ җиләк җыярга. Безнең печәнлек бик ерак иде. Авылдан яшеренеп байтак баргач, көн эллә нинди караңгыланган кеби улды* [Там же, б. 123]. / *В детстве мы однажды с детьми пошли на покосный луг за ягодами. Наш покосный луг находился очень далеко. Отдалившись от деревни, мы шли долго, и вдруг все вокруг внезапно затемнело.*

Данная особенность наблюдается и в эпических произведениях Касима Биккулова, в которых события излагаются от имени главного героя и которые характеризуются наличием пейзажных картин, описаниями внутреннего мира персонажей, психологическими и публицистическими отступлениями: *Мин җиде-сигез яшьләрендә булсам кирәк, эти мине үзбезнең авылның мәктәбенә сабакка барырга кушып, кулыма өч тиен көмеш акча биреп җибәрде* [Там же, б. 165]. / *Мне было, наверно, лет семь-восемь. Отец, сказав, что я должен идти учиться, положил в мои руки три копейки серебром и отправил в школу нашей деревни.*

Дополнительную эмоционально-экспрессивную коннотацию слово *авыл* в текстах получает, когда употребляется с аффиксами принадлежности первого лица единственного и множественного числа *-(ы)м* (*авылым* (моя деревня)), и *-(ы)мыз* (*авылымыз* (наша деревня)). В этом случае его семантика обогащается смысловым оттенком «родная деревня»: *Мин үземне Русия шәһәрләрендә, Казан урамында кеби фараз кылып, ватаным, авылым, кардәшләрем, хәтта мәдрәсәдә бергә укыган шәрикләремә кадәр хәтеремә килеп, калбем тәмам йомшарып китте* [Там же, б. 209]. / *Мысленно представив себя в городах России, на улицах Казани, я вдруг вспомнил родину, родную деревню, родственников и даже товарищей, с которыми вместе учился в медресе.*

В отличие от слова *авыл*, его синоним *карья*, которая является традиционным элементом старотатарского письменно-литературного языка, в текстах употребляется только в своем прямом значении и не осложняется какими-либо дополнительными эмоционально-экспрессивными коннотациями: *Ләкин озак вакыт бармадык, авылымыздан егерме чакырымда булган Туклы карьясенә җиттек* [Там же, б. 183]. / *Очень скоро мы достигли села Туклы, которое находилось в двадцати верстах от нашей деревни.*

В повестях лексема *авыл* очень часто встречается в составе словосочетаний *авыл халкы*, *авыл халыклары* (деревенские жители), которые в основном выражают население мужского пола (мужчин). Для выделения представительниц противоположного пола (женщин) автор прибегает к конструкции *авыл хатыннары* (деревенские женщины). В определенных контекстах они приобретают отрицательные окраски: *Урам буенда, тау битләрендә җыелып-җыелып утырган эшсез авыл халыклары кайсы сүгешә-сүгешә акча уйный, кайсы ахырмаман галәмәте, дип төрле хорафатлар сөйлә. Авыл араларында чирәм өстендә француз күлмәкләре килеп, тәңкәләр тагып, табын-табын булып утырган авыл хатыннары бөтен дөнья гайбәтен җәйнәп, язны бушка уздыралар иде* [Там же, б. 152]. / *Некоторые из безработных мужиков, которые собирались на улицах и склонах гор, ругаясь между собой, играли за деньги в карты, некоторые распускали всякие сплетни, выдавая их за знаменья конца света. Бабы же, надев французские платья и навесив на себя серебряные монеты и расположившись кругами на лужайках между деревнями, сплетничали обо всем на свете, тем самым тоже впустую проводили весну.*

Коннотация иного характера возникает при употреблении словосочетания *авыл халкы* с прилагательным *бичара* (беспомощный, несчастный, бедный). В этом случае данная конструкция выступает как средство описания состояния сельских жителей, попавших в безысходное положение: *Алтынбай агайлар да һич оялмый, тереләй сарык тунаган кебек, бичара авыл халкының өстеннән җылы тунын тартып алалар* [Там же, б. 144]. / *А такие люди, как старик Алтынбай, ничуть не стыдясь, подобно тому, как сдирают шкуры с живых овец, снимали с плеч несчастных жителей деревни их теплые шубы.*

В отдельных случаях автор использует слово *авыл* и его синоним *сала* в описаниях образов персонажей: *Алтынбай агай да кырык-илле мең сумга малик бер авыл бае иде. Аның бу тун, толып алудан башка, сала байларына хас булган, сулагай куллардан бик арзан хакка чиләк-чиләк бал, яхшы атлар, һәм бик арзан хак илэ чай-шикәр кеби товарлар алып кала торган кәсебе дә бар иде* [Там же, б. 145]. / *Старик Алтынбай был деревенским богачом с капиталом в сорок-пятьдесят тысяч рублей. Кроме этих шуб и тулупов, он,*

как и было свойственно другим сельским богачам, занимался также и перекупкой за мизерную цену у людей, нечистых на руки, меда, хороших лошадей, а также таких товаров, как чай и сахар.

В качестве ключевого элемента категории «Человек» в произведениях Касима Биккулова выступает лексема *кеше* (человек; лицо, личность; индивид; субъект) [9, с. 563]. В текстах она также приобретает широкий спектр художественных оттенков и стилистических функций.

В Толковом словаре современного татарского языка зафиксированы следующие ее значения: «1) лицо, живое существо, личность, обладающее способностью мышления, речи, создавать орудия и использовать их в труде; 2) душа (*единица счета*); 3) кто-нибудь, кто-либо, кто-то, некто; 4) чужой, чужой, посторонний человек; 5) любимый человек, поклонник, кавалер, жених, друг, ухажер» [8, б. 235-236].

В стихотворениях К. Биккулова слово *кеше* в сочетании с такими лексемами, как *галим* (ученый, мудрый, знающий; образованный, просвещенный) и *надан* (невежда, невежа), служит средством, с помощью которого раскрывается идейная установка, заложенная в основу произведения. Так, например, в стихотворении «Авыл байларына хитаб» («Обращение к сельским баям») автор пишет о том, что такая возвышенная цель, как служение на благо народа, не под силу всем, а лишь ученым и просвещенным мужам: *Ир булыр галим кеше гадел улын* [Там же, б. 86]... / Мужчиной станет просвещенный человек, будучи справедливым...

В детских рассказах Касима Биккулова, в которых, как уже было сказано, повествование ведется от имени автора и для которых характерны краткость, незамысловатый сюжет, нейтральный стиль изложения, слово *кеше* в сочетании с такими лексемами, как *ике* (два), *исемле* (по имени), *бер* (один), *ахмак* (глупый), употребляется в своем конкретном значении, т.е. обозначает отдельно взятого человека или людей. Обычно это наблюдается во вступлениях: *Бер авылда бертуган ике кеше бар иде* [Там же, б. 109]. / В одной деревне жили два родственника; *Юнан хакимнәрәнән Сократ исемле кеше бик гакыллы галим, заманында берничә дәрәжә хаким булган* [Там же, б. 112]. / Среди греческих философов был человек по имени Сократ, который считался очень умным мыслителем, первым философом своего времени; *Бер ахмак кеше бакчачының алма куагына су бирдекен күрөп* [Там же, б. 140]... / Однажды один глупый человек, увидев, как садовник орошает яблони...

В произведениях данного жанра для слова *кеше* характерно также и употребление в обобщенном значении, когда он выражает не конкретно взятую личность, а человека в общем смысле. Данная сема не исчезает даже тогда, когда оно используется в сочетании с другими лексическими единицами, такими, как *һиммәтле* (великодушный), *юмарт* (знающий), или же в форме винительного падежа, которая в некоторой степени придает объекту оттенок определенности: *Һиммәтле кеше дөнъяда иң олуг мәртәбәле кешедер. Һәрвакыт үз файдасын гына карамый, кешегә файда итүче, ярдәмче вә юмарт кешегә һиммәтле диерләр* [Там же, б. 117]. / В мире великодушный человек считается самым уважаемым. Великодушным считается тот, который всегда думает не только о своей выгоде, но и о других, помогает всем и оказывает щедрость; *Юнан хакимнәрәнән Сократ исемле кеше бик гакыллы галим, заманында берничә дәрәжә хаким булган. Аның моралы һәрвакыт кешене үгрәтәп һәр нәрсәнең асылын белгертү икән* [Там же, б. 112]. / Среди греческих философов был человек по имени Сократ, который считался очень умным мыслителем, первым философом своего времени. Своей целью он считал объяснение людям истинной природы вещей.

В большинстве случаев значение обобщенности актуализируется в конце рассказов, где автором обычно в форме суждений раскрывается заложенная в них основная идея: *Кешегә иярәп эшләгән эшнәң ахыры һәркайчан һалакәт вә харалык булчактыр. <...> Дөрестән дә кешенең кеше хакында нияте яхшы булса да, хата фикер бирүе бик еш булгалый* [Там же, б. 133-134]. / Конец поступка, которого ты совершаешь, следуя другому человеку, всегда плачевен. <...> И в действительности, если даже человек желает другому только добро, он очень часто дает ошибочный совет.

В эпических произведениях Касима Биккулова, в которых события излагаются от имени главного героя и которые характеризуются наличием пейзажных картин, описаниями внутреннего мира персонажей, психологическими и публицистическими отступлениями, у слова *кеше* на первый план также выступает обобщенное значение. В основном это характерно для публицистических отступлений: *Гаеп көн иртүк зур бер мәсҗедкә гаеп намазы укырга бардык. Мәсҗеднең ишек төбенән урамның аргы ягына кадәр тезелеп торган теләнченең хисабы-саны юк. <...> Яхшы мәгърифәтле дигән кешеләр бездә шуларга сәдака биреп китәдер. Хәлбуки, боларга сәдака бирү, милләтне теләнчелеккә өйрәтү, шул кәсепкә кызыктыру булдыктан, зур гәнаһтыр* [Там же, б. 179]. / В праздничный день с утра отправились в одну большую мечеть читать намаз. Возле дверей мечети до другого конца улицы собралось несметное количество нищих. <...> Люди, считающие себя добропорядочными и просвещенными, подавали им милостыню. Между тем это считается большим грехом, так как, подавая милостыню таким людям, ты толкаешь нацию к попрошайничеству и поощряешь это ремесло.

А в описаниях художественного характера и портретов персонажей в семантике лексемы *кеше* актуализируется оттенок определенности: *Бер җомгалар узгач, безнең мәдрәсәгә кулына каеш күшкә тоткан зур кара сакаллы, аз гына сачы агара да башлаган, башына искерәк камчат бүрек кигән бер кеше килеп керде* [Там же, б. 187]. / Когда прошла неделя, в наше медресе зашел человек с кожаной плетью в руках. У него была большая черная борода, волосы чуть-чуть поседели, и на голове у него была старая бобровая шапка.

В определенных контекстах семантика слова *кеше* осложняется коннотациями негативного характера, в которых отражается отношение автора к отрицательным персонажам. В этих случаях лексемы его ближайшего окружения выражают противоположные значения: *Ул Ибни казыйдан бөтен мәдрәсә шәкертләре курка, чөнки ул дүрт мәдрәсәнең һәркаюсына хөкем итүче баиш казый атала, хәлфәләр дә аңа бик тәгъзыйм*

кыларар. Шәкертләр аны бик мактыйлар. Ул бик зур кеше, дамеллага күп хезмәт иткән, яшь вакытларында дамеллага самовар куеп, йортында булган барча хезмәтләрән иткән, соңра атын, сыерын карап, берничә ел дамеллага кучер да булып торган [Там же, б. 189-190]... / Этого Ибни кадия боялись все шакирды медресе, потому что он был главным кадием, который присматривал за всеми четырьмя медресе, учителя его тоже очень уважали. Шакирды его очень хвалили. Он был очень большим человеком, очень много служил дамелле, в молодости ставил дамелле самовар, делал все работы по хозяйству, после присматривал за лошадьми и коровами, несколько лет служил у дамеллы кучером...

В обобщенном значении слово *кеше* используется автором в антитезах. При этом средством создания контрастности выступает его ближайшее лексическое окружение: *Мулла бабай моңарга ачуланып: «Юкны сөйлесең, сукурны китерми кемне китерик соң? Син үзең хисап ит, сәламәт кеше мәктәптә гомерен заигъ кылып тормый бит. Хәлфә һәркайда да сукур да чулак, аксак кеби бер гарип була инде ул. Сау кешегә башка кәсеп тә бетмәгән», – диде* [Там же, б. 173]. / *Рассердившись на это, старый мулла сказал следующее: «Ты несешь чушь, кого же нам привезти кроме слепого? Ты сам подумай, здоровый человек не будет же попусту проводить время в школе. Учитель всегда бывает слепым, криворуким и хромым калекой. Для здорового человека хватает и других ремесел».*

Таким образом, в ходе исследования нами были установлены такие основополагающие художественные категории в творчестве Касима Биккулова, как «Деревня» и «Человек». На их основе были выделены многозначные слова, выступающие в качестве ключевых элементов языковой ткани произведений автора, что в определенной степени позволило также разграничить материал исследования. Анализ объема их семантики, а также приобретенных ими контекстуально обусловленных образных и эмоционально-экспрессивных коннотаций позволил раскрыть некоторые особенности индивидуального стиля писателя, системы его мировоззренческих взглядов и духовных ценностей. Так, например, в своих детских рассказах, согласно требованиям жанра, он использует многозначные слова в их прямых значениях. Дополнительную художественно-стилистическую окраску и эмоционально-экспрессивные оттенки они получают в художественных описаниях и публицистических отступлениях, имеющих место в его стихотворениях и повестях. В частности, это коннотации, связанные с такими понятиями, как *туган авыл* (родная деревня) и *галым* (*мәгърифәтле*) *кеше* (просвещенный человек), которые занимают одно из центральных мест в авторской картине мира писателя.

Список источников

1. Абдуллин И. А. Г. Камал драмаларының теле. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 198 б.
2. Баширова И. Б. Слово-образ в татарской поэзии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 1971. 23 с.
3. Бертуган Биколовлар: әдәби-биографик жыентык / төз.-авт. Ф. Сәйфуллина, И. Гомәрәв, Р. Мирхаев. Казан: Жыен, 2016. 448 б.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
5. Курбатов Х. Р. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 164 б.
6. Сафиуллина Ф. С. Сүз иясе белән йөри. Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. 167 б.
7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: алты томда / Р. Р. Абдуллина, А. М. Сәгыйтова, Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, О. Н. Галимова, А. Ф. Гайнетдинова, Г. Д. Фәтхетдинова, Ф. И. Таһирова, И. И. Сабитова, Э. И. Сафина, Ф. М. Газизова. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. I. А – В. 712 б.
8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: алты томда / И. И. Сабитова, А. Ф. Гайнетдинова, Ю. Ф. Борханова, О. Н. Галимова, Г. Г. Саберова, Ф. Ф. Гаффарова, Э. И. Сафина, А. Ә. Тимерханов, Р. Р. Абдуллина, Р. Т. Сәфәрәв, Ф. И. Таһирова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III. К. 744 б.
9. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / Ш. Н. Асылгараев, Ф. Ф. Гаффарова, Ф. И. Тагирова, О. Н. Бятикova, А. Ф. Гайнетдинова. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. А – Л. 726 с.
10. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / Ш. Н. Асылгараев, Ф. Ф. Гаффарова, Ф. И. Тагирова, О. Н. Бятикova, А. Ф. Гайнетдинова. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. М – Я. 726 с.
11. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

LITERARY AND STYLISTIC FEATURES OF USING POLYSEMANTIC WORDS IN KASIM BIKKULOV'S WORKS

Safina El'mira Fanisovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
elf.77789@mail.ru

The article is devoted to the issues of the linguostylistics of a literary text. Basing on the material extracted from the poems, stories and novels by the Tatar writer, educator and poet of the early XX century Kasim Bikkulov, the role and place of polysemantic words in the organization and expression of the idea and thematic content underlying a literary work are examined using the contextual analysis. These lexical units are considered as the key elements through which the writer's intention, his individual style and worldview are revealed.

Key words and phrases: linguostylistics; language of literary works; polysemantic words; key element; semantics; figurative connotation; literary and stylistic coloring; emotionally expressive shade.